

Вячеслав
ЖУКОВ

У зоны свои законы

ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Вячеслав Владимирович Жуков

У зоны свои законы

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3134595
У зоны свои законы: ЭКСМО-Пресс; Москва; 2001
ISBN 5-04-008078-6

Аннотация

Ему нравилось убивать, все равно кого: мужчин, женщин, детей... Все убийства он выполнял с любовью, как некое таинство, дарованное только ему. Убив человека, он всегда испытывал необъяснимый прилив энергии и не убивать уже просто не мог. Никто и никогда еще не уходил от него живым. Никто... за исключением юной девушки. Смириться с этим киллер не мог...

Вячеслав Жуков

У зоны свои законы

В душном вагоне поднялось оживление, едва электричка, сбавив скорость, подкатила к платформе, за которой ровной стеной возвышались огромные сосны, чуть не достававшие своими мохнатыми вершинами нависших над землей облаков.

Здесь, в семидесяти километрах от Москвы, простирался огромный дачный район, куда по выходным съезжалась половина столичного населения. С коробками и корзинами, с собаками на поводках и кошками в сумках люди полтора часа тряслись в электричке, чтобы достичь заветного клочка земли и день-два гнуть спину над грядками. Но уж так, видно, хотелось единения с природой. Почему-то казалось, что там, вдали от утомительного города, все какое-то особенное, и начиная с ранней весны и до осени дачники жили в столице ожиданием пятницы.

И вот теперь на платформу высыпала толпа этих фанатиков дачного отдыха. Им предстояло разойтись по разным тропинкам, убежавшим прямо от платформы в лес к садовым участкам.

Из третьего вагона вышел мужчина лет сорока с приятным, открытым лицом, какие обычно нравятся женщинам. Он был в синих джинсах, кроссовках и клетчатой рубашке с короткими рукавами.

Следом на платформу вывалились пятеро нетрезвых пареньков лет семнадцати и три девушки. У каждого из парней за спиной висело по здоровенному рюкзаку. Одна из девушек держала в руках гитару, неумело перебирая струны.

Эта компания резко отличалась от толпы дачников. Их заметно сторонились. Такие туристы-однодневки приедут на день да ночь, поставят палатку на берегу речки, обопьются вина, напакостят, а утром поскорей уедут к городскому уюту и недели две будут вспоминать, как они отдохнули у ночного костра, напившись до чертиков. Дачники таких не уважали.

Среди девушек ярко выделялась одна – грудастая блондинка в коротких шортах, открывавших красивые ноги. Еще когда ехали в электричке, мужчина в клетчатой рубашке сидел и не сводил с нее глаз. Уж слишком хороша была девчонка. Несколько раз она тоже глянула на него, но взгляд этот ничего ему не сулил. Ее обнимал и с бесстыдством целовал длинный тощий паренек, которого она называла Виталиком. Девушка бросала на мужчину в клетчатой рубашке короткие игривые взгляды и тут же подставляла свои маленькие пухлые губки Виталику. А тот не упускал возможности присосаться к этим губкам.

На платформе мужчина в клетчатой рубашке в последний раз посмотрел на блондинку и улыбнулся ей. Девушка улыбнулась ему в ответ. Ей было приятно внимание взрослого мужчины. Молодая женщина чувствовала в нем самостоятельность и надежность, чего не было у Виталика. Мужчина, легко закинув дорожную сумку за плечо, пошел по тропинке в лес.

Тощий Виталик злобно посмотрел на свою подружку, на уходящего по тропинке мужчину и сплюнул себе под ноги. Он отхлебнул из бутылки портвейна и, схватив блондинку за плечо, так резко повернул ее к себе, что девушка чуть не упала.

– Виталик!

– Ну ты чо, в натуре?

Блондинка нарочито изумленно заморгала глазками.

– Тебе этот козел клетчатый понравился? Может, пойдешь с ним трахнешься, сучка!

– Ну, Виталик, – девушка прижалась к его груди. – Я только с тобой. Ты же знаешь.

– Все вы бабы сучки! Нет, ты чо ему глазки строишь? В электричке глазела и тут!

– Виталик, солнышко мое, ну что ты так разошелся?

– Да ни хрена.

– Я только тебя люблю, Виталик, – и в подтверждение своих слов блондинка поцеловала тощего в губы, но Виталик гневно оттолкнул от себя блондинку. Девушка смотрела на него испуганно.

– Ты мне по ушам не езд! Любит она меня! Видел я, как ты на него пялилась, а он на тебя. А хошь, я ему сейчас этой бутылкой башку раскрою, – размахнувшись, он вылил остатки портвейна себе на белую футболку.

Девушка обняла Виталика, несколько раз чмокнула его в щеки и слюнявые губы, пытаясь успокоить разбушевавшегося любовника.

На помощь ей пришел Гендос, считавшийся в их компании главным.

– Кончай базар, длинный! – довольно резко сказал Гендос тощему. Он был почти на голову ниже Виталика, но выглядел намного крепче. И Виталик испуганно стих.

– Чего ты разошелся? – не унимался теперь уже Гендос. – Она посмотрела. Он посмотрел. Подумаешь, делов!

– Да ладно, – виновато произнес тощий, закидывая рюкзак на худящее плечо. Казалось, еще немного и увесистый рюкзак переломит его костлявое плечо.

А Гендос сердито наседал:

– Устроил тут базар из-за ничего. Он же ее не трахал, – он посмотрел на блондинку, и та в подтверждение замотала головой. – Идти надо. Палатку ставить. А то ночевать придется в кустах. Ты, длинный, в кустах ночевал?

– Не-а, – коротко ответил Виталик.

– Ну вот, теперь заночуешь, – произнес Гендос и стал спускаться с платформы. Остальные поплелись за ним. Виталик с грудастой блондинкой шли последними.

Никто из этой шумной компании не обратил внимания на двух мужчин лет тридцати. Оба в модных костюмах. На глазах солнцезащитные очки, как у агентов из американских боевиков.

Эти двое ехали в душном вагоне от самого Курского вокзала и всю дорогу старательно наблюдали за мужчиной в клетчатой рубашке. Но он, увлеченный молоденькой блондинкой, не обратил на них внимания. Ему было слишком хорошо, чтобы вот так думать о плохом. Да и с чего оно, плохое, может взяться, когда у человека все хорошо?

И он не спеша шел по тропинке, петлявшей среди деревьев, углубляясь в лес, платформа и голоса людей остались позади. А впереди целых два дня отдыха, и какого! Воздух-то какой! Дыши – не надышишься! Тут тебе ни суеты, ни нервотрепки. Только умиротворенность и спокойствие, так необходимые душе.

Внезапно позади он услышал шаги, будто кто-то спешил догнать его. От недоброго предчувствия мужчина вздрогнул и обернулся.

За ним шли двое незнакомых мужчин. Вроде люди как люди, но у него почему-то заныло в груди, когда он разглядел на руках одного из них черные перчатки. «Летом в перчатках...» – подумал он и зашагал быстрее, спеша выйти к дороге. Его должен был встретить тесть на машине, и возможно, за тем поворотом сейчас появится красная «восьмерка». Но ноги сделались непослушными. И вокруг, как нарочно, никого... Господи! Хоть бы грибник какой вышел! Чего им надо от меня?! «Надо бежать!» Эта мысль подгоняла его, но, как часто бывает в критических ситуациях, маленькая случайность сыграла свою роковую роль. Мужчина споткнулся о торчащий из земли корень сосны и упал. Вскочив, он подхватил сумку, но они были совсем рядом. Лица решительные и на удивление похожие. И глаза... Глаза людей, готовых на самое страшное.

Мужчина в клетчатой рубашке почувствовал приближение смерти, и уже не думал о сопротивлении. Он обреченно ждал, когда те двое подойдут вплотную.

– Вам чего, ребята? – спросил мужчина дрогнувшим голосом и попытался улыбнуться, когда они, наконец, подошли. Но улыбка не получилась...

Незнакомцы молчали. Тот, кто был в перчатках, усмехнувшись, зашел сзади.

– Может, вы, наконец, объясните?.. Вам нужны деньги, да?! – дрожащим голосом воскликнул мужчина в клетчатой рубашке.

Стоявший перед ним незнакомец молча покачал головой. На его узких губах появилась усмешка. Он наслаждался страхом человека перед смертью.

Эти короткие минуты безумно нравились ему. Убить просто так – слишком просто. Для него был важен сам процесс умерщвления... Вот как сейчас – почувствовав приближение смерти, жертва не сопротивляется, проявляя полную покорность.

– Да что же вам надо?! Скажите! Пожалуйста, прошу вас...

Стоящий сзади незнакомец неожиданно накинул ему на шею петлю из темно-синего в полоску галстука и резко затянул ее. Жертва захрипела.

Недалеко послышались голоса парней и девчонок. Бренчала гитара, и чуть сипловатый, нетрезвый голос пытался петь под Высоцкого.

Тощий Виталик шел первым. За ним, пыжась под тяжестью рюкзака, топал Гендос. Выйдя на поляну, Виталик раскрыл рот, а гитара, точно испугавшись, издала приглушенный звук.

Под корявой сосной, уткнувшись коленями в мох, с запрокинутой головой сидел мужчина в клетчатой рубашке и остекленевшими глазами смотрел на ребят. Его шею стягивал темно-синий в крупную полоску галстук, привязанный к толстому сучку. На лице застыл предсмертный ужас.

– Вот это да! – глянув, проговорил Гендос, сбросив тяжеленный рюкзак на землю. Пока его приятели вместе с девчонками обсуждали увиденное, Гендос незаметно вытащил из кармана джинсов несчастного бумажник с деньгами.

– Что же нам делать теперь? – боязливо спросила одна из девчонок.

– Линять надо отсюда побыстрее, вот что, – со знанием дела ответил Гендос, взваливая на плечо рюкзак.

– Ой, сюда кто-то идет, – шепотом произнесла грудастая блондинка, испуганно прижимаясь к Виталику.

От платформы по тропинке шла пожилая женщина с коляской, на которой поверх сумки лежали пучком деревянные рейки. Весь ее вид говорил, что она торопится успеть дойти засветло и не намерена терять время на разборку между парнями. Задушенный мужчина ею был принят за одного из этой группы. Она только перекрестилась, покосившись, и поспешила уйти.

– Нам тоже надо линять отсюда побыстрее. А то менты понаедут. Расспросы, допросы начнутся, – сказал Гендос.

Его поддержал Виталик:

– А я и так на учете стою. – Он нечаянно дотронулся до струн, и гитара издала звук, похожий на плач. Виталик испуганно прижал струны.

С утра у Тютина было плохое настроение. Бывает же такое. Сам не мог понять отчего. То ли погода влияла на самочувствие, то ли что-то другое, так вот сразу и не поймешь. Но на душе – скверно. И в сон клонит, будто всю ночь не спал.

Тютин сел на скамейку, пытаясь вспомнить, что снилось ночью. Но даже закурить не успел, как на крыльцо выскочила внучка Наташа и с любопытством взглянула на деда.

«Ну, сейчас начнет приставать со своим дурацким велосипедом. Носится как угорелая по дачному поселку, а колеса клеить мне. Лучше бы книжки читала или телевизор смот-

рела», – подумал Тютин, вспоминая, что еще вчера обещал заклеить колесо на ее спортивном велосипеде, которое Наташа умудрилась проколоть.

Но внучка с велосипедом приставать не стала, неожиданно заинтересовавшись цветочной клумбой с яркими гладиолусами.

– Дед, надо бы цветы полить, – дала она команду Тютину. Самой в этот раз ей возиться не хотелось. По случаю приезда отца Наташа с утра вырядилась в белоснежное платье, а начини поливать, обязательно обольешься и испачкаешься о шланг.

Тютин, встав со скамейки, нехотя вытянул резиновый шланг. Но опять сказала проклятая рассеянность. Он забыл вставить в конец шланга штуцер, и теперь тугая струя воды била в клумбу, размывая землю до корней. Виновник этого безобразия, отвернувшись, стоял с задумчивым лицом. Поливать цветы он не любил. И неизвестно, чем бы все это закончилось, если б не Наташка. Ужаснувшись, она всплеснула руками, не веря своим глазам.

– Дед, что ты наделал?! Это же мамины любимые цветы. Ну, все! Пропала клумба! – Наташа сокрушенно махнула рукой, но не упустила возможности поиграть Тютину на нервах. – Влетит тебе теперь от мамы. Точняк влетит.

– Влетит, – согласился Тютин, почувствовав желание забросить шланг в бочку с водой. «Сдались мне эти ваши цветы! Сами насажают, а ты поливай, пропалывай. Больно надо!»

– Ладно. Земля мокрая, сейчас присыплю корни, и ничего страшного, – буркнул Тютин. На душе было скверно.

– И потом, ты что, забыл, какой сегодня день? – спросила внучка, нарочито нахмурившись.

Стыдно было признаться, но Тютин и в самом деле забыл, какой сегодня день недели. Хотя для пенсионера, живущего на даче, совсем было не обязательно помнить это. На работу идти не надо. И торопиться некуда. Живи себе потихоньку, наслаждайся!

– Забыл, Наташка, – чистосердечно признался он.

Внучка фыркнула. Наташа была человеком добрым, но с твердым убеждением: пока мама в Москве – хозяйка здесь она. Жалко только, дед не хочет мириться с этим. Но в конце концов ему придется с этим смириться!

– Дед, сегодня пятница. Сегодня приезжает папа. И ты должен его встретить. Ну что с тобой, дед? Рано тебе еще страдать склерозом, – весело подмигнула внучка.

– Черт его знает, – раздраженно ответил Тютин. – Сам не пойму. Не выспался, что ли?

– Ладно, дед. Я могу и умолчать про клумбу. Не говорить маме. Даже засыплю корни цветов землей, – неожиданно подобрела Наташа.

– Неужели это все бескорыстно? – насторожился Тютин.

Девчонка хитро улыбнулась.

– Почти, дед. В среду отпустишь меня на дискотеку в город. Что я, хуже других девченок? Между прочим, все ходят на танцы, но никому таких скандалов не устраивают, какой мне закатил ты, – проговорила она, припомнив, как совсем недавно вернулась из городского Дома культуры, где была молодежная дискотека, слишком поздно, и дед устроил ей грандиозный разнос. Более того, обещал пожаловаться родителям и отправить ее в Москву. Безусловно, она поступила нехорошо, но и деду следовало понять: сидеть целыми днями дома или слоняться по местным окрестностям – скука. А на танцах Наташа познакомилась с симпатичным парнем, и после дискотеки он пошел провожать ее до самого дачного участка, а это более часа ходьбы от Павловского Посада. И ничего ведь страшного не произошло. Ну, поцеловались несколько раз. А его желание залезть в трусики быстро прошло, когда Наташа показала ему пару приемов дзюдо...

А Тютин в тот раз поклялся больше не отпускать Наташу ни на какие танцы.

– Это шантаж, Наташка, – попытался защититься строгий дед, но любимая внучка проявила изрядную настойчивость.

– Что делать, дед? Жизнь такая...

– Ладно, – вздохнув, проговорил Тютин.

Новенькая красная «восьмерка» стояла возле ворот. Тютин, взглянув на часы, поспешил к машине.

– Ладно, Наташа, – повторил он, захлопывая дверцу машины, и добавил: – Я поехал встречать Анатолия, а ты тут приберись... – кивнул он на клумбу.

Наташа, понимая, что дед сдался и дискотека ей обеспечена, как прилежный солдат, приложила руку к голове и отпраповтовала:

– Есть, товарищ командир. Все будет исполнено.

Тютин погрозил ей из машины. Наташа схватила шланг и окатила машину водой, весело смеясь.

Тютин опаздывал. «Но, с другой стороны, – успокаивал он себя, – сейчас не зима. На улице тепло, даже дождя нету. Пройтись по лесу – одно удовольствие. Да Анатолий рад будет. Насиделся там, в Москве. Пусть подышит свежим воздухом».

Лесная дорога была не предназначена для быстрой езды – крутые повороты, торчащие из земли корни, большие лужи, похожие на болотные ямы... Все это пригодились бы автомобильным гонщикам, но Тютин к таковым не принадлежал.

Въехав в сосновый бор, он издали увидел группу молодых людей и направлявшуюся к поселку женщину с коляской.

«Случилось, что ли, чего?» – подумал он и вдруг почувствовал на сердце еще большую тяжесть. Тютин сбавил скорость, когда одна из девчонок издали замахала рукой, прося остановиться.

– Что случилось? – спросил он, остановившись и не вылезая из машины.

Подошел тощий парень и пролепетал подавленно, кивнув на черничник:

– Слышь, батя, человек тут удавился. В ментовку позвонить надо.

– Что? Человек удавился? – Тютин неожиданно побледнел. Виталик посмотрел на него удивленно и повторил сердито:

– У кассирши на платформе есть телефон. Позвонить надо. А ты как раз едешь туда. Позвони, понял?

– Хорошо. Я позвоню, – ответил Тютин и, решив взглянуть на беднягу, вылез из машины.

– Они небось сами его убили, шпана! – издали выкрикнула женщина, не выпуская из руки коляску.

– Чо ты мелешь, бабка! – заорал на нее Гендос. Бумажник лежал у него в кармане, и теперь надо было от него избавиться... Незаметно для остальных переложив из него деньги в карман брюк, он швырнул бумажник в черничник.

Пройдя несколько шагов, Тютин увидел лежащего чуть в стороне от тропинки мужчину.

«Клетчатая рубашка, джинсы!» – сердце лихорадочно застучало. Он вспомнил, что Анатолий всегда приезжал на дачу в такой одежде...

Тютин не помнил далее, как очутился рядом. Узнав в мертвом Анатолия, растерялся, не желая верить в его смерть. Таковую смерть! «Черт возьми! Толька!»

– Толя! Анатолий! – выдохнул Тютин. Голос его дрогнул.

На лице мертвого вместе с бледностью стала проступать синева, а возле рта ползали черные мухи. Тютин машинально сдал холодное запястье зятя, прощупывая пульс.

Один из парней, внимательно наблюдавший за действиями Тютина, спросил:

– Ваш знакомый?

– Зять... – Тютин все еще пытался прощупать пульс.

Притихшие девчонки молча наблюдали за происходящим. Им еще ни разу в жизни не приходилось видеть трупы, и потому смерть этого человека казалась ужасной.

– Он же уже мертвый, чего вы его трясете? – сказал Гендос.

– Мертвый, – повторил Тютин обреченно, как человек, бессильный что-либо изменить. Но все его сознание сопротивлялось такому повороту судьбы близкого человека, и он, не в силах сдержать эмоции, зло выкрикнул: – Кто? Кто это сделал? Отвечайте! – В его голосе было столько угрозы, что парни попятились. Даже Гендос отступил на пару шагов.

– Чо ты разошелся? Сам он. Мы здесь ни при чем. Зуб даю.

Тютин впился в него взглядом.

– Нет, – покачал головой. – Он не мог сам. Может, вы кого видели? – спросил он, внимательно оглядев каждого из парней. Не похожи они на убийц. Так... мелкая шелупонь, в худшем случае способная расквасить кому-нибудь рожу. Они не убийцы. Но тогда кто? Кто решился на такое и за что? Эти два вопроса мучили Тютина. Казалось, сейчас надо подумать о теле мертвого зятя, позвонить в милицию, вызвать экспертов, а он поддался размышлениям, достойным сотрудников уголовного розыска.

– Мы никого не видели, – ответил молчавший до этого худенький белобрысый паренек и обернулся за подтверждением к приятелям. Те подтвердили. И даже девчонки, как по команде, закивали головами.

– Не видели.

– Да. Никого вроде не было.

Выслушав их, Тютин подумал, что даже если бы они что-то и видели, вряд ли сказали бы. Кого трогает чужое горе?

– Может, его уже тут поджидали, – предположил Гендос. Держа руку в кармане, он пытался на ощупь посчитать купюры, прикидывая в уме, сколько водки сможет купить.

Тютин ничего не ответил на это. Ему почему-то сделалось вообще присутствие этих молодых людей неприятным. С трудом подавив рыдание, он протяжно вздохнул.

Его зять Анатолий лежал на спине... Взгляд мертвых глаз устремился в безоблачную небесную высь. Горло его до кровоподтека стянула петля из галстука... Из перекошенного рта на левую сторону вывалился посиневший язык, мертвецки прикушенный...

Тютин еще раз заглянул в глаза зятю и отвернулся – столько в них было ужаса. Смерть как будто надругалась над Анатолием, исказив его лицо до неузнаваемости.

Тут же валялась сумка с продуктами. Тютин мельком оглядел ее, пошарил по карманам джинсов зятя, но бумажника, в котором Анатолий всегда носил с собой паспорт и деньги, не нашел. Неужели грабеж? Еще раз обернулся, посмотрел внимательно на пацанов – самый крепкий из них, мускулистый лобастый паренек слегка занервничал.

Аккуратно положив все, как лежало, Тютин выпрямился и взглянул лобастому в глаза. Парень сразу отвел взгляд, делая вид, будто поправляет лямку у рюкзака.

«Нечист на руку, пацанчик», – решил Тютин и спросил:

– Вы сняли тело? – Хотя можно было и не спрашивать, ведь, кроме этих шалопаев, тут никого нет.

– Лично я ничего не видела, – крикнула женщина с коляской издали. Она хотя и спешила, но из-за любопытства решила задержаться. Будет что рассказать соседям... На парней она смотрела недоверчиво и боязливо.

– Я срезал галстук на сучке, – ответил Гендос и показал здоровенный нож с остро отточенным лезвием. – Мы думали, он отойдет. Ну там, сделать искусственное дыхание или еще чего...

Тютин горестно покачал головой, достал из нагрудного кармана рубашки Анатолия носовой платок, развернул и накрыл им лицо зятя.

– Что же я теперь скажу Наташке? – проговорил он растерянно. Жалко было внучку. Всю ее короткую жизнь Тютин как мог оберегал ее от всего плохого, недоброго. И вот какое горе свалилось...

Приехавшие из Павловского Посада следователь с оперативной группой долго осматривали труп, опрашивали парней и девочек. Женщина с коляской ушла. Молоденький лейтенант из группы пошел за ней, но так и не нашел. Зато фотограф-криминалист нашел в кустах бумажник с паспортом Анатолия, но без денег. У милиционеров сразу возник вопрос, который вскорости разрешился, когда стали осматривать карманы парней и их рюкзаки. Но осторожный следователь и так решил задержать крепыша Гендоса за ношение холодного оружия, каким был признан его здоровенный тесак, и он тут же признался, что похитил бумажник.

– А что, Комаров Геннадий Васильевич, может, ты совершил это убийство? – строго, но с иронией спросил дотошный следователь.

Гендос, позеленев, испуганно заморгал.

– Да вы чо, засадить меня хотите? Невинный я. Бумажник взял, не отказываюсь. А убивать не убивал, – он посмотрел на Тютину, словно эти слова предназначались только ему. – Чем хошь могу поклясться. Не убивал! – Последнюю фразу он выкрикнул, и она эхом отозвалась в чащобе леса.

– Не убивал, и ладно, – спокойно произнес следователь. – А задержать нам тебя все равно придется за этот ножичек. Так что поехали, Гена.

– Мы отдыхать сюда приехали... – попытался было вступить за Гендоса тощий Виталик. Но стоило следователю пристально посмотреть на него, как он замолчал, не договорив.

Коротко посоветовавшись, милиционеры решили всех горе-туристов доставить в дежурную часть и там опросить как положено.

– А потом, откуда я знаю, что вы меня не надули с именами и фамилиями? Может, вы вообще в розыске? Паспортов-то у вас при себе нету. Так что залезайте в машину, – проговорил следователь так, словно приглашал пацанов и девочек посетить увеселительное заведение. – Там во всем разберемся, – добавил он.

Перед отъездом следователь спросил Тютину на предмет установления личности убитого.

– Наш сотрудник на днях заедет к вам, – пообещал он на прощание.

Но что может изменить приход сотрудника? Придет он или нет – Анатолия все равно не вернуть, не воскресить. И разве сумеет тот сотрудник поведать, что же в действительности здесь произошло. Уж слишком неправдоподобно все было. Неправдоподобной была даже сама смерть. Стоило ехать сто километров в электричке, чтобы оканчить жизнь в этом лесу...

Тютин еще раз посмотрел на поляну, окруженную сосняком. Неплохое место. Здесь бы по осени грибы белые собирать, а вот как все получилось... Жизнь человеческая оказалась короткой. А смерть еще короче. Мгновение – и нет человека. Оставалось только вздохнуть. Помочь зятю Тютин уже ничем не мог.

Когда он сел в машину, следователь вновь подошел, закурил и, не отрывая взгляда от милиционеров, суетившихся возле трупа, доверительным тоном спросил:

– А сами-то вы что об этом думаете?

Тютин посмотрел на него с непониманием.

– Что я могу думать? – ответил он вопросом.

– Я понимаю, вам неприятно об этом говорить, но у меня работа, которую я должен выполнить. К тому же как можно быстрее. Начальство не любит волокиты.

– Так и не тяните, – заметил Тютин. Получалось так, словно следователь хочет вызвать к себе сочувствие, а может, и жалость.

– Я хотел вас вот о чем спросить. Вы только что сказали, что ваш зять служил в Афгане, имеет боевые награды...

– Да это я так сказал. Просто хотел лишний раз подчеркнуть, что он был достойным человеком, не каким-нибудь там... Он не пьяница. Прекрасный семьянин. Его уважали на работе...

– Одну минуту, – остановил Тютин следователь. – Ваш зять не страдал психическими отклонениями?

– Чего? – Тютин посмотрел на следователя с интересом. «Надо же каков! Вон куда клонит!»

– Ну, знаете, кто побывал там, все какие-то... – следователь выразительно покрутил пальцем у виска.

– Нет. Не страдал.

– Угу, – задумчиво угукнул следователь и произнес: – Да нет. Это я так. Ведь в жизни всякое может быть.

– Может. Но это не тот случай, – возразил Тютин, не желая продолжать беспочвенный разговор. Несмотря на, казалось бы, приятную, доброжелательную внешность, следователь был ему противен.

– Знаете, я лично не верю, – произнес следователь, – что эти пацаны совершили убийство вашего зятя.

Тютин посмотрел на напуганные лица девчонок, молча наблюдавших, как их парней сажают в «уазик». Их было решено везти в другой машине и потом в отделе еще раз опросить порознь.

– Я тоже не верю, – согласился со следователем Тютин.

Следователь, обрадовавшись такому заключению, улыбнулся. Хорошо, когда не имеется претензий с потерпевшей стороны. Легче все списать на самоубийство. И даже если возникнет заминка со стороны родственников с опознанием галстука – это ничего. Галстук выглядит новым, значит, перед тем как повеситься, человек мог купить его в одной из коммерческих палаток на Курском вокзале.

Следователь, ухватившись за предположение о самоубийстве, не удержался, чтобы не попытаться внушить эту мысль тестю покойного.

– Значит, самоубийство, – сказал он как бы в раздумье и в то же время довольно настойчиво.

Но ответ старика огорчил его.

– Думаю – нет.

– Нет? – переспросил следователь, отматерив про себя Тютин за неговорчивость.

– Вам надо поработать тут как следует, а уж потом принимать окончательное решение. Следователь не удержался, чтобы не съехидничать.

– Вам никогда не хотелось побыть в милицеской шкуре?

Поняв, что разговор приобретает нехороший оттенок, Тютин решил побыстрее прекратить его.

– Мне шестьдесят лет. Из них почти тридцать я был, как вы изволили выразиться, в милицеской шкуре. Сначала сыщиком, потом начальником отдела.

На лице следователя мгновенно появилась маска угодничества. Видя, что старик собирается уезжать, он поспешил проговорить:

– Тело мы сейчас отвезем на экспертизу. Завтра уже можете забрать его. Думаю, эксперты уже успеют поработать с ним.

– Хорошо, – ответил Тютин, не прощаясь.

– Всего хорошего, – произнес следователь дежурным голосом и, когда Тютин отъехал, на всякий случай записал номер его машины в блокнот.

Услышав голоса ребят, убийцы поспешили спрятаться за деревьями недалеко от поляны. Вскоре они увидели тощего паренька с гитарой в руках, а за ним коренастого крепыша с рюкзаком на спине.

Один из убийц, высокий седой мужчина, пристально вглядывался в лица парней. Его напарник, молодой, толстый, с приплюснутым носом, был безразличен к парням. Его больше интересовали девчонки. Их он пожирал глазами.

– Тьфу ты, черт! – сплюнул под ноги седой. – Туристы! Не сидится им в городе. Приехали девок потрахать, чтоб жопу комары искушали.

Напарник не мог оторвать взгляд от аппетитной блондинки, девушки тощего Виталика.

– Я бы вон с той титястой позабавился, – проглотив слюну, сказал он про девушку.

– Вот на нары попадешь и будешь забавляться с «Дуней Кулаковой», если педиком не захочешь стать, – раздраженно бросил седой.

– Да ну тебя, – обиделся на него молодой напарник. «Только что вместе человека убили, а он еще издевается», – со злостью подумал он.

Красную «восьмерку» и самого Тютину они увидели одновременно.

– Вот и сам старый мент, – сказал седой, впиваясь взглядом в бывшего полковника, точно прицеливаясь в него.

Молодой напарник ничего на это не сказал, но на Тютину тоже смотрел недобро.

– Стукнуть бы его разом с зятем, – предложил седой. Достав пистолет, прицелился Тютину прямо в лицо, подержал его немного на мушке, но стрелять не стал, с сожалением на лице убрал пистолет. – Пусть пока поживет, легавый, – произнес он с презрением.

– Правильно, – похвалил его молодой напарник. – Не стоит брать на себя лишнего.

– Сам знаю, – огрызнулся седой и добавил: – Нам лучше уйти. Скоро здесь появятся менты.

Выкурив по сигарете, они тщательно втоптали в мох окурки и лесом напрямик двинулись к железной дороге. По гудкам проходивших электричек нетрудно было сориентироваться, где находится платформа. Но, подойдя к ней, убийцы не решились выйти из леса, боясь привлечь к себе внимание. Лишние глаза сейчас были ни к чему. Да и менты могут оказаться достаточно въедливыми и не поленятся прийти сюда. Поэтому лучше было подождать в густых кустах, выкурить по сигарете до прихода электрички.

Когда электричка подошла, они бегом кинулись по ступенькам платформы и вскочили в тамбур переднего вагона перед самым закрытием дверей. Осмотревшись и убедившись, что несколько разморенных жарой пассажиров не обращают на них внимания, они вошли в вагон и с беззаботным видом плюхнулись на крайнее сиденье. До Москвы они почти не разговаривали, делая вид, будто дремлют.

Подъезжая к своему дачному участку, Тютин увидел соседа, отставного генерала-ракетчика. Подняв капот своей новенькой «Волги», тот ковырялся в моторе. Будучи человеком дотошным, ракетчик то и дело лазил в мотор и почти доломал его. Новая машина стала работать, как старая.

Не сказать, чтобы между Тютиным и генералом была дружба, хотя рядом они уже жили давно. Отношения скорей были по-соседски доверительными. Генерал был старше Тютину лет на пятнадцать, потому считал себя вправе поучать полковника некоторым премудростям дачной жизни. И Тютину приходилось ради приличия терпеливо выслушивать его брюзжание. Опять же по-соседски помогали друг другу, а по вечерам, отмахиваясь от назойливых комаров, допоздна просиживали за шахматами в генеральской беседке.

В другой раз, может, и с удовольствием минуточку-другую потолковал бы Тютин с генералом о последних новостях, но сейчас, когда в поселке все только и говорят о смерти Анатолия, останавливаться не хотелось.

Из вежливости Тютин поздоровался. Увидев его, ракетчик поспешил закрыть капот и шагнул ему навстречу. Полковник, тяжело вздохнув, достал из кармана пачку сигарет. Уйди он сейчас – обидит старика-генерала до глубины души.

Генерал тоже закурил из тютинской пачки и с сочувствием сказал:

– Мне искренне жаль вашего зятя. Он был хороший человек. У таких людей не может быть врагов.

Тютин молча кивнул головой, затягиваясь сигаретой, а генерал продолжил:

– В прошлый раз, когда он приезжал, я проиграл ему обе партии. Сегодня хотел взять реванш.

И на это у Тютина не нашлось слов. Оставалось только для поддержания разговора кивнуть головой, что полковник и сделал. Генералу хотелось выговориться... Жена ведь слушать не будет. Своим брюзжанием он и так за целый день ей надоел.

Но Тютин для себя твердо решил: «Докуриваю сигарету и ухожу».

– А знаете, Николай Иванович, – сказал вдруг генерал как-то по-особенному с болью в голосе, – я не верю, что ваш Анатолий мог совершить такое.

– И я не верю, – сказал Тютин фразу, показавшуюся ему уже затертой. Ведь то же самое он сказал следователю. Теперь вот повторил генералу-ракетчику. А зачем? Для чего? Все теперь в прошлом. Да и вообще, возражать что-либо генералу – всегда было абсурдно. Старая привычка военного командира – если во что упрется, не свернешь его, не переубедишь, сколько ни старайся.

Генерал, приблизившись к Тютину и дохнув на него водочным перегаром, запальчиво продолжил:

– Зная Анатолия – каким он был по характеру, по натуре... Не сам он, – проговорил ракетчик едва ли не шепотом. Полковник молчал, докуривая сигарету. Так не хотелось, чтобы сейчас кто-то лез со своими советами, понуканиями.

– Вам надо тормошить ментов! – неожиданно рассердившись, воскликнул генерал. Но, вспомнив, что Тютин сам бывший мент, поправил себя: – Извините за грубость. Ваших бывших коллег.

– Пустое, – Тютин только рукой махнул. – Я уже разговаривал со следователем, когда они приезжали по вызову. Галстук!

– Галстук? – ничего не понимая, повторил генерал. – При чем тут галстук?!

– А при том. Они не хотят возбуждать дело. Повесился на галстуке. Считают – сам. И не принимают никаких других версий. Так-то. На теле при внешнем осмотре не обнаружено следов физического воздействия. Иными словами – ни синяков, ни ссадин, ни ран. И получается простор для отказа в возбуждении уголовного дела. А, если честно, искать никто не хочет и, по всей видимости, не будет. Зачем им лишняя головная боль с Анатолием?! – с обидой произнес бывший полковник.

Генерал сердито втоптал недокуренный окурок в песок и выговорил:

– Одно слово – менты, они и есть менты!

Тютин уже собрался уйти, но генерал остановил его.

– Дня четыре назад, Николай Иванович, я проснулся часов в пять утра. Слышу, пес мой заливается. Выглянул в окно, а по улице идет мужчина, высокий, сухощавый. Лицо в общем-то приятное, мужественное. Волосы седые, аккуратно зачесанные.

– Ну и что? – нетерпеливо спросил Тютин, пытаясь уйти, но ракетчик не отпускал. – Мало ли тут дачников шастает?

Ракетчик почесал грязной рукой затылок и проговорил задумчиво:

– Оно, конечно. Только этот показался мне странным. Не похож он был на дачника. Да и не видел я его никогда у нас в поселке.

– Может, в гости к кому приехал, – возразил Тютин, желая поскорее закончить эту беседу, показавшуюся ему утомительной. «Сколько можно гонять из пустого в порожнее. Человека он видел. Да их тут, чужаков, толпами по девкам ходят!» – покосился Тютин на ракетчика. Но тот, несколько не смущаясь, продолжал:

– Может, и приехал. Только, проходя мимо вашего дома, он замедлил шаг, достал из кармана какую-то бумажку, заглянул в нее, а потом посмотрел на номер дома. На ворота, на окна смотрел.

– Ну, а потом? – спросил Тютин скорее машинально. Сейчас, когда голова была забита предстоящими похоронами Анатолия, все сказанное ракетчиком не возымело действия.

– Потом он ушел, но не мимо сторожа, а вон туда, – показал генерал на тропинку, где в заборе была дыра, через которую дачники обычно ходили купаться на озеро, чтобы сократить путь.

Сославшись на занятость, Тютин все-таки ушел, так и не дав договорить генералу. Ракетчик сердито нахмурился и нехотя поплелся в дом.

Войдя в кухню, Тютин увидел внучку Наташу и срочно приехавшую из Москвы дочь Ларису.

– Вот взяла такси и сразу приехала, – сказала Лариса, смахивая слезы. На этот раз она даже забыла поцеловать Тютина, как делала всегда, когда приезжала. Заплаканное лицо выражало такое горе, что у Тютина сжалось в комок сердце. Он сам обнял Ларису, поцеловал.

– Папа, ну как же так? – Дочь разрыдалась на его плече.

Наташа сидела тихая, подавленная, но старалась не плакать.

– Ничего, Лариса. Ничего, – попытался успокоить Тютин дочь.

– Как это случилось? – проплакавшись, спросила Лариса. И Тютин стал рассказывать, а у самого точно тяжелый камень на сердце, и давит этот камень, гнет полковника к земле.

Лариса и Наташа слушали Тютина не перебивая, и, только когда он замолчал, дочь сказала:

– Ума не приложу... Как? Почему?... Понимаешь, – обратилась она к Тютину, как будто он мог что-то изменить в этой ситуации, – не было у Толи повода для такого поступка и не могло быть. И этот галстук... темно-синий в полоску. Он же вообще не мог выносить этот цвет, тем более в полоску. Даже рубашки никогда не покупал в полоску, не говоря уже о галстуках. Ведь ты же знаешь, папа.

– Знаю, Лариса. Знаю, – не согласиться с дочерью полковник не мог. Это было правдой. Его зять не любил носить полосатых галстуков. Но сейчас у Тютина все перемешалось в голове. Ларису мучили вопросы, на которые Тютин не знал ответов.

Наташа сидела молча, с грустным, почти отрешенным лицом. Она машинально мешала ложечкой в чашке остывший чай, хотя пить совсем не хотелось. Она все еще не могла поверить в происшедшее. Все казалось, вот сейчас откроется дверь и войдет отец, как всегда, улыбающийся, жизнерадостный. И только портрет его на буфете с перетянутым черной ленточкой уголком напоминал – этого уже не произойдет...

Припухшее от слез лицо Ларисы уже не выражало ни горя, ни отчаяния перед неизбежным. Казалось, душа покинула ее. Человеческая оболочка еще тут, рядом с близкими людьми, а душа уже далеко, блуждает среди себе подобных.

«Как в плохом романе все получилось», – в который раз подумал Тютин, смотря в наполненные горем глаза дочери. Будто тронулась она, сидит, раздавленная горем, постарела сразу. А какая красавица была. Даром что за тридцать, а ни одной морщинки и в глазах всегда радость. «Что и говорить, счастливая была семья», – вздыхая, думал полковник. Теперь

у Ларисы лицо сделалось серым и блеск в глазах пропал. И уж никакого интереса к жизни, словно не живет, а доживает. Скажи – умри, и умрет, не пожалеет.

– А знаешь, папа, мы с Толей почти никогда не ссорились.

– Я знаю, дочка, – тихо произнес Тютин, заметив на лице дочери едва заметную грустную улыбку. Сейчас она, наверное, вспоминала что-то хорошее, и не хотелось ей мешать.

– У нас были прекрасные супружеские отношения до самого последнего дня. Он меня безумно любил...

– Ладно, Лариса. Ладно. Я попытаюсь разобраться во всем. Дай только время, – сказал дочери Тютин, когда уже ближе к вечеру Лариса стала собираться в Москву.

Тютин довез ее до платформы. Когда сажал в электричку, опять почему-то почувствовал неясную, как бы отдаленную тревогу, еще подумал: «Что-то нервы шалят. Да что же это со мной?» Посмотрел на дочь. В глазах у нее была все та же обреченная печаль. Ее состояние вызывало беспокойство. «Может, с ней поехать?»

– Знаешь, представить не могла, что такое случится с Толей. Даже верить не хочется.

– Беда всегда приходит, когда не ждешь, – сказал Тютин невесело, заглядывая в глаза дочери. Кроме страдания, в них теперь ничего не было. Никакого интереса к жизни. И Тютин не удержался, чтобы не спросить: – Может, мне с тобой поехать?

– Не надо. Сейчас с ритуальными услугами полный сервис. Только плати денежки. Послезавтра можно забрать Анатолия из морга...

– Да... Машину я закажу здесь и сам привезу его. А ты встречай нас дома. А пока договорись, чтобы местечко на кладбище получше выделили. Денег не жалея. Сама понимаешь, на это скупиться не надо. – Тютин по-стариковски вздохнул.

Резким гудком электричка напомнила о своем прибытии.

– Ну, мне пора, – сказала Лариса, и на ее бледном лице появилась едва заметная грустная улыбка. Поцеловав Тютину в щеку, она вошла в тамбур, остановилась возле дверей в вагон и помахала Тютину рукой.

И вот электричка уехала, а Тютин еще долго стоял на платформе, курил и смотрел ей вслед, испытывая странное чувство, будто что-то оторвалось от его души сейчас и стремительно уносилось вместе с этой зеленой точкой.

Средних лет женщина в черном халате с веником в руке стояла возле вагончика, в котором размещалась касса, и с сочувствием глядела на Тютину. Она была новой кассиршей, которую Тютин раньше тут не видел. Когда он проходил мимо кассы, она стала усердно подметать, разгоняя во все стороны пыль. На ее красном, припухшем от постоянного перепоя лице появилась улыбка, похожая на оскал.

– Чо, проводил свою кралю? – спросила она, приняв Ларису за его любовницу.

Тютин, не сразу сообразив, что она имела в виду, посмотрел грустно в сторону, куда умчалась электричка.

– Проводил, – ответил он, не имея ни малейшего желания разговаривать с этой женщиной. Но кассирша не отступала.

– Не горюй. Найдешь себе еще, – сказала она, подмигнув. – Ты вон мужик видный, с машиной. И не старый. Пойдем ко мне в вагончик, посидим. У меня и выпить есть, – вдруг предложила она, старательно растягивая лицо в улыбке. – Пойдем. Маленько развеселишься. Чего грустить-то? Я ведь тоже одна осталась. А вдвоем нам будет веселей. – Она явно хотела понравиться Тютину.

– Ну ты, мадам, даешь, – только и выговорил полковник и отвернулся, чтобы не плюнуть в ее раскрасневшуюся, опухшую физиономию. С трудом сдержавшись, Тютин быстро пошел к машине. Когда он был уже далеко, кассирша не упустила возможности послать

в спину полковнику оскорбительное словцо. Но Тютин его не услышал. Сел в машину и поспешил уехать, провожаемый ненавидящим взглядом кассирши.

Проезжая мимо того места, где с Анатолием случилась беда, Тютин остановился. Черничник на поляне был притоптан, а на траве следы от двух милицеских машин. И молчаливые деревья. О, если б только они могли говорить! Ведь они молчаливые свидетели происшедшего с Анатолием. Они-то знают, что тут было.

Полковник подошел к сосне, потрогал огрубелую кору на том сучке, к которому был привязан злосчастный галстук. Тютин попытался представить, как все могло произойти. Воображаемый следственный эксперимент...

В гуще деревьев тревожно закаркала ворона. Это оказалось настолько внезапным, что Тютин, невольно вздрогнув, огляделся. «Уж не идет ли кто из чащи? Наверное, зверь какой-то потревожил птицу», – подумал полковник, расслабившись и удивившись своему внезапному напряжению. Нервы сдают. А это плохо.

Кругом было так хорошо, так спокойно. Голубое с белыми клубами облаков небо. Ласковое летнее солнце. И вроде как ничего тут ужасного не могло произойти.

Со дня похорон Анатолия прошло три недели. Кажется, срок небольшой, но и его оказалось достаточно, чтобы немного успокоиться, прийти в себя.

Наташа не осталась в Москве, сколько ее об этом ни просила Лариса.

– Несговорчивая ты, Наташка. И мне было бы с тобой повеселей. Одицаешь там с дедом.

– Не одичаю. Там мне лучше, спокойнее. Тут ты днем на работе, а я что делать буду? Все мои подруги разъехались кто куда. А сидеть в четырех стенах тоже мало приятного. На даче можно хоть искупаться, позагорать.

И Лариса согласилась. В конце концов дочь уже достаточно взрослая, чтобы принимать решения.

Но и жизнь на даче оказалась для Наташи скучной. Память об отце не давала покоя. Девочке часто снились кошмары, от которых наутро болела голова. Днем она пыталась читать или мучила телевизор, переключая с канала на канал. Иногда приезжал из города паренек-мотоциклист, с которым Наташа успела познакомиться, когда с девчонками ходили на дискотеку.

– Наташа, ты все молчишь и молчишь, – попытался как-то поговорить с внучкой полковник.

– А что говорить? – безучастно спросила Наташа.

«Да... Этак девка дома совсем захиреет... Пусть пойдет развеется», – решил Тютин и как бы между прочим спросил:

– А чего это к тебе мотоциклист зачастил?

– Владик?

– Да я не знаю. Просто видел, как вы с ним разговаривали.

– А-а, – протянула Наташа, покраснев. – Он меня в парк приглашает в Павловский Посад. Говорит, из нашего поселка туда много девушек ходит, а я нет. Вот и зовет.

Тютин обрадовался.

– А ты сходи. Сходи.

– Владик меня на мотоцикле может подвезти, – сказала Наташа, оживившись. – Думаешь, съездить?

– Конечно, съезди. Ну что ты все сидишь и сидишь. Скучно ведь!

– Да, скучно, – согласилась Наташа и сказала: – Я там недолго буду. До половины двенадцатого, не позже.

Такой распорядок Тютина устраивал вполне. В прошлые разы Наташа возвращалась часа на полтора позже, из-за чего ему и приходилось ворчать на внучку.

– Ладно, Наташка. Ладно. Только смотри, чтоб все нормально было. Этот Владик...

– Он – золотко. Такой внимательный. Слушается меня во всем.

– Знаю я этих золотых, – раздраженно парировал полковник.

Наташа, впервые за все время после похорон отца рассмеявшись, подскочила и чмокнула Тютина в щеку. И тут же сделала строгое замечание:

– Бриться надо, дед!

Ответить Тютин ничего не успел. Наташа упорхнула в свою комнату, чтобы переодеться, и скоро появилась перед ним в короткой белой юбке и блузке. Крутанулась перед зеркалом.

По правде сказать, Тютину всегда не нравилось, когда она надевала слишком короткие юбки. В них она выглядела сексуально-вызывающе. У Наташи были красивые длинные ноги, и выставить свои ляжки напоказ совсем не дело – считал Тютин. Но разве переубедишь эту несговорчивую девчонку.

Нахмурившись, Тютин все-таки спросил:

– Ты пойдешь в этой юбке? Вот так?

– А что? – Наташа придирчиво осмотрела себя в зеркало, улыбнулась, сообразив, о чем подумал дед. – Вид вполне нормальный. Разве не так? Произведу впечатление на местных парней. Пусть знают, какие в Москве девчонки, – закончила она шутливо.

На что Тютин язвительно заметил:

– Смотри только, чтобы местные комары задницу не искушали.

– Не ворчи, дед. Ты еще не старый, чтобы вот так брюзжать.

И она выбежала из комнаты, сказав традиционное – пока.

Тютин только открыл рот, а Наташа уже на улице. Оставалось удовлетворить самолюбие непременно обещанием обязательно отвезти ее в Москву к матери.

За окном послышался рокот мотоцикла. Тютин подошел, откинул штору. «Владик. Золотко», – вспомнил он слова внучки.

Наташа вскочила на сиденье мотоцикла, прижалась к пареньку, лица которого Тютин не мог рассмотреть из-за низко надвинутого шлема. Он что-то говорил Наташе, и та улыбалась.

«Хоть немного повеселела. А то сидит все грустная».

Увидев, что дед за ней наблюдает, Наташа, улыбаясь, махнула рукой и тут же умчалась по дороге, ведущей к городу Павловский Посад. Тютину была видна эта дорога до самого леса. Он увидел, как мотоцикл выехал с территории дачного поселка, но не видел, как за ним поехала черная «Волга». По-видимому, все это время она стояла на окраине леса. В машине сидели трое – убийцы Анатолия и высокий здоровяк-мужчина с бородой. Черная «Волга» помчалась за мотоциклом.

В городском парке для молодежи едва ли не каждый день устраивались танцы. Городские власти это только приветствовали. Так милиции легче было наблюдать за хулиганами. Приходили сюда и бандюки – посмотреть, как дергаются под музыку малолетки, и просто оттянуться в местных кафе и выбрать на ночь приглянувшуюся девчонку.

Если дело доходило до мордобоя, милиционеры предпочитали не вмешиваться, лишь бы не было стрельбы. Тогда уж другое дело.

И для наркоманов – простор. Можно уколоться прямо на одной из скамеек, и никто не помешает.

Оставив мотоцикл на автостоянке, Владик с Наташей пошли в парк. Они не обратили внимания на подъехавшую следом черную «Волгу». Из нее вылезли высокий седой мужчина и бородатый здоровяк. Толстый парень остался за рулем. Он припарковал машину недалеко

от входа в парк и, стараясь не терять из виду своих друзей, стал наблюдать за танцующими. Отыскав Наташу с пареньком, бандиты уже не отходили далеко. Для конспирации им даже пришлось немного подергаться под музыку, хотя по их напряженным лицам нетрудно было догадаться, что появились они на танцплощадке не для пустого времяпрепровождения.

– Ну как тебе у нас? – спросил Владик запыхавшуюся от танцев Наташу.

Наташа, смахнув волосы со лба, устало присела на скамейку. Владик поспешил воспользоваться ситуацией и обнял девушку. Не станет же она при таком скоплении народа демонстрировать свои знания дзюдо!

На танцплощадке грохотала музыка.

– Ты знаешь, мне здесь нравится, – ответила Наташа, положив голову на плечо парня. Владик обнял ее крепче и поцеловал в губы. Наташа приглянулась ему еще с первого раза. Тогда же возникло желание овладеть ею. Но когда в первый раз провожал ее до дачного поселка, не получилось, и Владик решил компенсировать упущенное. Его рука скользнула по высокой полной груди девушки...

В этот вечер они много целовались, разгуливая по парку. Владик хотел, чтобы они занялись любовью в каком-нибудь укромном уголке, но Наташа стеснялась.

– Ну, чего ты? – возбужденно спросил Владик, прижимая Наташу к себе за круглую попку. Казалось, еще немного, и он сломит слабое сопротивление девушки...

– Не надо... Я не могу тут. Такое ощущение, будто все на нас смотрят.

Владик обернулся. Наташа оказалась права. В стороне стояли парни с девчонками и поглядывали в их сторону.

– Да, действительно, многолюдно тут. Может, поедem прокатимся? – предложил он.

С танцплощадки доносилась музыка и веселый хохот ребят. Уходить не хотелось.

– Ну поехали... – нехотя согласилась Наташа.

Стоило им отъехать от автостоянки, как черная «Волга» двинулась за ними.

За городом на шоссе, где, кроме мотоцикла и этой «Волги», никого не было, машина, набрав скорость, обогнала их, стараясь прижать к обочине.

Поначалу Владик не обращал на эту машину внимания. Ну, едет за ними, и что с того? Тем более это шоссе ведет в дачный район. Но теперь...

Наташа сидела сзади, вцепившись в его замшевую куртку.

– Чего они хотят от нас?! – прокричала она как можно громче.

Встречный поток воздуха едва не сбрасывал легкий мотоцикл с шоссе. Скорость на спидометре была сто сорок километров в час.

– Не надо так быстро! – задыхаясь, кричала Наташа, но, похоже, Владик ее не слышал, крутил ручку газа, вцепившись побелевшими руками в руль. И мотоцикл летел по шоссе, обогнав «Волгу», которая черной тенью накрывала их.

– Что им надо? – Теперь этот же вопрос озадачил и Владика. – Сумасшедшие какие-то! – Увидев впереди тропинку, он резко сбросил газ и вильнул рулем вправо, успев крикнуть:

– Держись крепче!

Но предупреждение последовало слишком поздно... мотоцикл подпрыгнул, и руки девушки невольно разжались, какая-то неведомая сила оторвала ее от сиденья, подбросив вверх.

Еще до падения на землю она услышала визжащий звук тормозов и увидела летящий прямо на нее на огромной скорости автомобиль. Казалось, он для этого и несется, чтобы раздавить ее своей огромной массой, но колесо «Волги» прокатилось буквально в несколь-

ких сантиметрах от Наташи. Машина ткнулась бампером в земляной вал, тянувшийся вдоль дороги.

Владик уже стоял на ногах и, хотя его пошатывало, принял оборонительную позу, как заправский каратист. А из машины выскочили седой и бородатый здоровяк. Они кинулись на него.

– Вы чего, козлы? – Владик их не испугался. Драться ему приходилось часто. Подумаешь, двое. Да хоть трое, он не отступит. Точным ударом в челюсть ему удалось сбить с ног седого, но бородач сделал обманное движение и, стоило Владiku наклониться, ловко ударил его ногой в голову.

Владик упал на спину. Бородач навалился на него, нанося удар за ударом по голове, потом схватил лапищами за горло и сдавил так, что Владик захрипел.

– Задушу, сучонок! Ты кого ударил? Щенок!

Его седой напарник, извозюкавшись в грязи, поднялся на ноги, подскочил и несколько раз ударил ногой Владика по ребрам.

– Гаденыш! Потрахаться захотел?! Сейчас! Погоди!

Владик уже перестал сопротивляться, только беспомощно поднимал руки, пытаясь загородить от ударов лицо. Парень оторопело переводил взгляд с седого на бородача, не понимая, что они от него хотят.

Наташу бандиты приняли за потерявшую сознание. Куда она денется? Сейчас им надо было побыстрее прикончить этого парня, раз он оказался свидетелем.

– Надо головой его об асфальт. Пусть все выглядит как катастрофа. Ехал на мотоцикле и разбился, – наставлял седой обезумевшего от ярости бородача. Здоровяк схватил Владика за волосы и несколько раз со всей силы ударил лицом об асфальт, сопровождая каждый удар отборными матерными словами.

Наташа лежала неподвижно и, чуть приоткрыв глаза, следила за происходящим. «Боже! Они убили его... Звери! Они думают, что я без сознания. Неужели они и меня убьют?! Надо бежать! В лес. Там они меня не найдут. Господи!..» Наташа решила воспользоваться замешательством убийц. Владiku она уже не сможет помочь... Краем глаза девушка видела, как убийцы добивали Владика. Смотреть на его изуродованное лицо было страшно. «Пора!» – Наташа резко вскочила.

Убийцы еще возились с Владиком и его искореженным мотоциклом, создавая достоверную картину «аварии», когда Наташа бросилась к лесу. Водитель «Волги», парень с приплюснутым носом, растерялся от неожиданности и стоял как вкопанный.

– Держи ее! Чего ты ждешь?! – заорали на него бандиты. – Не дай ей убежать в лес!.. – И покрыли его отборным матом.

Но Наташа этого уже не слышала. Она думала только об одном – надо оторваться от преследователя во что бы то ни стало!

Девушка слышала позади себя хруст веток и прерывистое дыхание человека, бежавшего за ней. Он был совсем рядом, и если она случайно зацепится ногой за какой-нибудь сучок и упадет...

Ветки больно ударяли по лицу, царапая до крови, но она бежала, не замечая боли. «Надо убежать, иначе убьют, как Владика!» – стучало в голове.

– Лучше остановись, все равно не убежишь! – услышала Наташа озлобленный голос парня.

И вот уже жесткая мужская рука хватается ее за плечо...

Наташа неожиданно резко остановилась, и догонявший натолкнулся на нее. Дальше все получилось машинально. Оттренированным приемом она сделала захват его руки, вывернув ее до хруста и подставив бедро, легко перебросила тело нападавшего. Несмотря

на большое превосходство в весе, прием был проведен мастерски, и нападавший, пролетев пару метров, ударился башкой о сосну и испустил протяжный стон.

Наташа исчезла в чаще деревьев, даже не заплакав от страха.

Домой Наташа вернулась уже под утро, вся в синяках и царапинах, в разодранной блузке и перемазанной в грязи юбке.

Тютин стоял возле калитки, поджидая ее, а увидев, невольно подумал: «Изнасиловали... Тот паренек, на мотоцикле».

Наташа бросилась ему на грудь и, рыдая, повторяла одну и ту же фразу:

– Убили! Они убили его! Понимаешь?

У полковника затряслись руки.

– Подожди, Наташа. Пожалуйста, успокойся. Пойдем домой, и ты мне все расскажешь...

Девушка согласно кивнула головой, размазывая слезы по лицу.

– Ты успокоилась? Да?

– Да-а, – протянула Наташа, все еще всхлипывая.

– Вот и хорошо. Молодец! Теперь скажи мне, кого убили?

– Да Владика... Они убили. Разве тебе не понятно?

– Подожди, подожди, Наташа. Мне пока не очень понятно. Какого Владика? Расскажи все по порядку. Чтоб я знал.

Наташа закусил губу, готовая опять разрыдаться, и Тютину пришлось довольно сильно встряхнуть ее.

– Прекрати немедленно! – прикрикнул он на Наташу.

– Отпусти. Мне больно. Чего ты меня трясешь?

– Скажи, Владик – это тот мотоциклист?

– Да. Они убили его. Убили. Размозжили голову об асфальт. И за мной гнались. – Наташа опять заплакала.

Тютин обнял внучку, поцеловал в голову. «Может, это всего лишь случайность? Наташка красивая, соблазнительная...»

– Они пытались тебя изнасиловать? Отвечай же, Наташа.

– Нет, не пытались. Во всяком случае, я этого не заметила.

– Что же тогда?

– Не знаю, дед! Ничего не знаю! Они догнали нас на шоссе. У меня все перемешалось в голове. Помню только драку. Стоны Владика и кровь. Я видела, как из его головы вытекли мозги. Представляешь?! Это чудовищно!

Тютин усадил Наташу в кресло, налил в стакан виноградного вина. «Пусть выпьет, может, успокоится...»

– Это поможет тебе освежить память, и ты мне расскажешь все, как было, в деталях. От начала до конца.

– Ну, дед, – взмолилась Наташа, но Тютин был настойчив.

– Расскажешь все. Так надо, чтобы я понял, это преднамеренное убийство или нелепая случайность.

– Ты думаешь?..

На этот раз Тютин не выдержал, прикрикнул на внучку:

– Я ничего не думаю. Я просто хочу понять. Понимаешь меня?

Наташа выпила предложенное вино и сразу почувствовала, как в животе разливается приятный жар. Дома, в присутствии деда, она успокоилась и вновь начала рассказывать о происшедшем несчастье. Но теперь уже не упуская ни малейшей детали.

Тютин молча выслушал Наташу, лицо его сделалось суровым. Безусловно, удобнее было считать главным лицом во всей этой трагедии Владика. Возможно, его надо было убрать. А Наташа просто оказалась с ним. Но Тютин решил оттолкнуться от обратного. Хотя тут многое было непонятно. Наташка слишком молода и не успела обзавестись серьезными врагами. Да и не местная она, и по этой причине опять же не должно у нее тут быть врагов. Ну, сходила на дискотеку. Не за это же ее убивать?! Значит...

Тютин решил поехать на место происшествия. Наташа с ним ехать отказалась, но подробно описала, где разыгралась трагедия.

Проехав по шоссе, Тютин увидел скопление машин: стоял «жигуленок» гаишников, «Скорая помощь» и милицейский «уазик». Два гаишника замеряли рулеткой на шоссе черную полосу – торможение мотоциклетного колеса.

На вопрос Тютин «Что здесь произошло?» капитан-гаишник с равнодушным лицом ответил:

– Авария. Парень на мотоцикле разбился. Врач говорит, пьяный был. – Гаишник оказался словоохотливым, говорил еще что-то, но Тютин его не слушал.

«Авария? Значит, они все спишут на аварию». Про то, что с пареньком была его внучка, Тютин говорить не стал. Ни к чему... Сейчас, когда убийства стали весьма обыденными, тех подонков вряд ли будут искать. «А за Наташей надо присматривать», – обеспокоенно решил Тютин.

Поспешно развернув машину, он поехал к поселку, но, не проехав и пяти километров, остановился. У него кончился бензин, и, чертыхаясь на весь белый свет, он полтора часа простоял на шоссе с канистрой в руках. Пока наконец молодой водитель грузовика не сжался над ним.

– Дед, ну куда ты запропастился? – обеспокоенно спросила Наташа. – Сказал, скоро...

– А-а, – Тютин только рукой махнул. Выглядел он сердитым, поэтому Наташа решила не приставать с расспросами, но он сам сказал: – Да бензин у меня кончился. А все по моей глупости – поехал, не поглядел. И тебе вот всегда говорю: будь внимательней в каждом деле!

Наташе стало жалко деда. Беспокоится, суетится, а результат – ноль. Оттого и злится.

– А что там?.. – осторожно спросила она, стараясь больше не давать повода для раздражения деду.

– Говорят, этот Владик пьяный был. Так констатировал врач со «Скорой».

Наташа пожала плечами.

– Ну, так уж и пьяный.

– Вы с ним выпивали? – раздраженно спросил Тютин.

– Я – нет. А Владик выпил стакан водки.

Тютин кивнул головой, рассердившись.

– Молодец. Ничего не скажешь. Гаишники считают, произошла авария.

– Ну и пусть считают... Его уже все равно не вернешь.

– Это правильно. Не вернешь. Только я хочу знать, какова действительная причина происшедшего. Его ли они хотели убить...

– Ты о чем, дед? – Глаза Наташи налились страхом.

– Тебе нельзя оставаться одной. Когда мне нужно будет уехать, тебе придется побыть у соседей. Понимаешь? Чтобы кто-то с тобой был.

– Ты думаешь, Владик погиб из-за меня?

– Не знаю. Пока еще точно не знаю...

– Ну что ж, у соседей так у соседей. Это все-таки лучше, чем одной.

– Или хочешь, со мной поедем завтра? Мне в Москву надо. Кой-кого повидать. Завезу тебя домой, а назад поеду, заберу, – предложил Тютин, но Наташа отказалась.

– Мама все равно на работе. Да и трястись час туда, час оттуда – тоже приятного мало. Не поеду я.

– Ну, как хочешь, – не настаивал Тютин. – Тогда посиди у Евгения Ивановича. Они с женой всегда дома, вот и ты побудешь с ними.

– Ой, нудный этот генерал. Пристаёт со своей болтовней. И как только ты его терпишь?

– Ничего. И ты потерпишь, – резонно заметил Тютин.

Наташа хитро прищурилась.

– К своей приятельнице заедешь?

– Заеду. А потом, я не маленький мальчик. К кому хочу, к тому и заезжаю.

– Да нет, это я так, – Наташа чуть заметно улыбнулась. Но Тютину ее улыбка показалась насмешливой.

– От Евгения Ивановича никуда не отходи. Никаких купаний, загораний. Сиди с ними. Можешь помочь в саду.

– Была нужда, – фыркнула Наташа. – Тоже мне, Золушку нашли.

Тютин спорить не стал и, не откладывая, пошел к соседу-генералу.

Ракетчик, отставной генерал, сидел в беседке и, попыхивая сигаретой, с явным интересом читал газету «МК».

У ворот Тютин встретил генеральскую жену, добрейшую женщину, и проводила до беседки. На длинной цепи по дорожке бегал здоровенный пес, кавказец по кличке Султан.

– Нельзя, Султан! – приказала ему хозяйка, и пес с сожалением, что не удалось укунить вошедшего соседа, облаял его только и спрятался в свою будку.

– Сколько уж к вам захожу, а он разорвать меня готов, – с уважением отметил Тютин.

– Он у нас специально выдрессированный, – улыбаясь, ответила жена генерала. Она была веселой женщиной. К тому же сегодня у нее было прекрасное настроение. Это Тютин заметил сразу, как вошел. – Женя, хватит муру всякую читать. К тебе Николай Иванович пришел. Мой ракетчик там сидит, – указала она на беседку. – Клубнику собирать неохота, так вперся в кроссворд.

Тютин с сочувствием покачал головой и поспешил к генералу.

Истосковавшись по хорошей беседе, генерал уже хотел, как всегда, пуститься в политику, но Тютин остановил его:

– Евгений Иванович, я по делу.

И старик-генерал сразу сделался серьезным.

– Слушаю вас, Николай Иванович.

– Дело вот в чем. Мне иногда приходится уезжать...

– Знаю, как же, – поспешил вставить генерал.

– Я хотел вас попросить, чтоб в мое отсутствие Наташа побыла у вас. Все-таки, знаете, на глазах. Мне так спокойней.

Генерал как будто даже обрадовался.

– Николай Иванович, дорогой! Какой разговор. Пусть приходит хоть днем, хоть ночью. Тут она в полной безопасности, и вообще. У меня вон пес какой. А на случай непредвиденных обстоятельств и помповичок имеется. Двенадцатого калибра. Бой как у пушки.

Тютин улыбнулся.

– Тогда моя внучка под надежной защитой.

– Это уж несомненно, – важно подтвердил генерал.

– Завтра мне утром надо уехать...

Генерал, не дав продолжить, проговорил:

– Мы будем ждать Наташу. Она у вас хорошая девочка. Умница. Глядя на нее, я всегда думаю, как жаль, что у меня нет такой внучки. Господь послал внуков, шалопаев, – с некото-

рым юмором сказал генерал и тут же предложил партию в шахматы. Чтобы не обидеть старика, Тютин был вынужден согласиться и за каких-то двадцать минут выиграл у генерала, оставив ракетчика в недоумении.

– Не пойму, черт возьми. Вроде все ходы просчитаны, а ты смотри, – оправдывался он, провожая Тютину до ворот.

До вечера Наташа не выходила из своей комнаты. И спать легла поздно. Тютин слышал, как она долго гоняла магнитофон. Эта иностранщина не нравилась Тютину, но нравилась Наташе. Он не мог заснуть и, ворочаясь, обещал себе выкинуть все дурацкие кассеты. Ночью Тютин спал плохо, беспокойно.

Утром, как и обещал, отвел Наташу к генералу, наказав, чтобы ракетчик был с ней поостроже и не баловал ее.

Теперь за Наташу он был спокоен. Сегодня он еще собирался заехать к своей давней приятельнице Татьяне Суриной.

После смерти жены бывший полковник так и не решился связать свою жизнь с другой женщиной и, хотя уже прошло семнадцать лет, жил один, переехав из своей московской квартиры на дачу. Но в Москву наведывался часто, а на лето забирал к себе внучку Наташу, с которой ему скучать было некогда.

Но год назад на дне рождения у бывшего сослуживца по работе в МУРе познакомился с Татьяной Суриной, женщиной, на его взгляд, замечательной. Даже не ожидал, что между ними может завязаться дружба, которая потом перешла в более крепкое и нежное чувство. Понимал, Татьяна моложе его почти на двадцать лет, но ничего не мог с собой поделать. Когда Тютин был рядом с Татьяной, он ощущал себя моложе на те двадцать лет.

Вчера, заехав в Павловский Посад на телеграф, Тютин позвонил Татьяне, и они договорились о встрече. Сегодня наконец бывший полковник решил поговорить с ней конкретно. «Надоело мотание туда-сюда. То я к ней лечу сломя голову, то она ко мне. Предложу ей расписаться. Человек я обеспеченный. Машина есть, дача. Пенсия. Будет не хватать, пойду в сторожа», – думал Тютин, испытывая легкое волнение, все-таки не мальчишка предложение делать женщине. Еще неизвестно, как она к этому предложению отнесется.

От своих знакомых Татьяна не скрывала отношений с Тютиним.

«Ну и пусть он старше меня. Зато он добрый и всегда ко мне хорошо относится. Не обижает меня», – думала она, припоминая тут же и свою жизнь с бывшим мужем Виктором.

Вообще в жизни Татьяны было двое мужчин, с которыми она имела любовную связь: бывший муж и Тютин. И если Виктор был безжалостным садистом, требующим от нее невероятного извращения в сексе, то Тютин, наоборот, всегда жалел ее, боясь причинить болезненные ощущения. Причем удовольствия с ним она получала больше, чем с Виктором, а его мягкость сравнима была только с нежностью.

Утром она встала пораньше, сбегала в магазин и даже успела уложить волосы, поджидая Тютину. Радовалась его приезду, как девчонка. Он пообещал приехать к половине десятого.

Подогрев кофейник, она налила чашку вчерашнего кофе.

Неожиданно в дверь позвонили.

Машинально взглянув на часы, Татьяна подумала: «Приехал на полчаса раньше». Не успев переодеть халат, женщина бросилась в прихожую, глянула в дверной «глазок» и... увидела давнего знакомого, с женой которого вместе работала в одном отделении. В руках у него был букет ярко-красных гвоздик. Эти цветы она не любила, видела в них что-то траурное. Тютин знал об ее отвращении и никогда не дарил ей гвоздик. А этот принес... «Некстати он

заявился, – подумала Татьяна. – Вдруг его приход не понравится Николаю?» Но она открыла дверь...

К половине десятого, как и обещал, Тютин подъехал к дому, в котором жила Татьяна. Посмотрев в зеркальце, Николай Иванович вылез из машины и взглянул на окно кухни Татьяны.

Не увидев Татьяны, полковник улыбнулся. «Неужели на работу вызвали? Обычно она меня всегда поджидала», – подумал он. Татьяна работала хирургом в Первой градской больнице. Причем она была хорошим хирургом, и по этой причине даже после ночных дежурств ее частенько оставляли на сложные операции.

Тютин быстро поднялся и позвонил. Но за дверью было тихо, и это насторожило его. «Что такое? Если бы она ушла куда-то, обязательно оставила бы записку в двери». Он постучал, прислушался, приложив ухо к двери.

В такой позе полковника застала соседка Татьяны. Узнав Николая Ивановича, приветливо поздоровалась.

– Вы не видели – Татьяна Геннадьевна не уходила? – спросил Тютин, испытывая некоторую неловкость перед соседкой. Все-таки не пацан подслушивать вот так и не супруг еще. Но, похоже, соседка на его поступок и не обратила внимания. Она удивленно пожала плечами и произнесла:

– Вообще-то она должна быть дома. Полчаса назад к ней приезжали гости.

– Гости? – недоуменно спросил Тютин, в нерешительности топчась возле двери.

– Ну да. Двое мужчин. Такие представительные из себя. Один с букетом гвоздик...

– Простите. Вы сказали, приезжали?..

– Ну да. На черной «Волге». Я с кухни в окно видела, как они подъехали, как выходили из машины. Я собиралась в магазин, – соврала она. Ну, не скажешь же малознакомому человеку, что просто решила полюбопытствовать. – Я посмотрела в «глазок», вижу, они позвонили к ней. Она открыла. Тот, который был с букетом, отдал ей цветы и сразу ушел. А высокий вошел в квартиру.

С минуту Тютин стоял с задумчивым лицом и вдруг, к изумлению соседки, стал со всей силы колотить руками в дверь.

Женщина испуганно вытаращила на него глаза: «Сумасшедший он, что ли?»

– Татьяна! Таня! – кричал Тютин, пугая соседку, и она решила уйти. «Нет, он явно тронутый», – думала она. Но Тютин не дал ей закрыть дверь.

– Пойдите. Подождите, прошу вас. У вас топор есть дома?

– Топор? – Соседка смотрела на него, ничего не понимая. – Ну, есть. А как же... мы им мясо...

– Принесите скорей. Я очень прошу вас. Скорей! – торопил он.

– Но зачем вам топор? – осмелилась все же спросить испуганная женщина.

– Да несите, говорю вам! Нужно срочно вскрыть дверь! – поспешил объяснить Тютин. Сердце ему подсказывало, что с Татьяной случилась беда.

Словно на ватных ногах, соседка вошла домой, первым делом позвонила в милицию и только после этого появилась перед Тютиным с топором в руке.

– Вот вам топор, – протянула она топор и отошла подальше. «Неизвестно, что у него на уме? Подозрительный тип...»

Топор оказался с коротким топориком. Тютин критически осмотрел его, но ничего другого под рукой не было, а стало быть, пригодится и такой.

– Вы не уходите, – сказал он соседке. – Возможно, понадобится ваша помощь.

– Да какая от меня помощь? – испуганно улыбнулась женщина, не сводя с него глаз и мысленно торопя милицию. «Когда же они приедут?»

Тютин сунул лезвие топора между дверью и косяком и со всей силы надавил на топориче, так, что послышался хруст. Когда дверь чуть отжалась, он со всей силы толкнул ее. Дверь открылась, и он влетел в прихожую.

– Таня! – громко позвал он, зайдя в комнату.

Соседка вошла следом, мучимая любопытством. И вдруг дверь в ванную стала сама собой открываться – видно, Тютин задел ее плечом, проходя мимо, – и соседка увидела Татьяну, сидящую на кафельном полу на коленях с петлей на шее. Бельевая веревка была привязана к водопроводной трубе.

В первую минуту соседка вообще потеряла способность не только кричать, но и шевелиться, стояла, как вкопанная. Потом пришла в себя и завизжала так, что Тютин вылетел из комнаты, словно пуля.

– Танечка? – Руки у него тряслись, и он никак не мог схватить с пола топор, чтобы им перерезать веревку.

– Что же это такое? Таня! – он наконец перерезал веревку и, осторожно положив тело Татьяны на пол, снял с шеи несчастной петлю.

Она еще не остыла. Но пульс уже не прощупывался.

– Господи! – взмолился Тютин. – Таня! Родная! – Он стал делать ей искусственное дыхание, но все было тщетно. Тютин, обреченно опустив руки, заглянул в бледное лицо женщины. Казалось, Татьяна спала и дожидалась пробуждения. Вот сейчас Тютин поцелует ее, и произойдет то, что случилось в доброй сказке. И Тютин, наклонившись, прикоснулся губами к ее холодной щеке, но пробуждения не последовало, и только большая, прозрачная слезинка выступила из левого глаза и скользнула к виску, оставив за собой блестящую дорожку. Это настолько поразило Тютину, что он принялся трясти Татьяну за плечи, и только негромкий голос соседки остановил его:

– Она умерла.

– Но она плачет, – произнес он дрогнувшим голосом, стерев ладонью блестящую дорожку после слезы. – Она не хочет умирать.

Соседка ничего не ответила.

Снизу по лестнице кто-то поднимался. Тютин обернулся.

В открытую дверь входили трое милиционеров.

– Где тут мужик с топором? – спросил первый вошедший.

– Я, – едва внятно ответил Тютин и заплакал.

Когда закончились все формальности с милиционерами, Тютин поехал на Петровку в свое управление. После его ухода на пенсию начальником отдела розыска стал майор Стелбин. Его-то и надо было повидать Тютину. «Эх, вернуться бы хоть на месячишко на прежнее место. Я бы это дело быстро раскрутил», – думал с сожалением Тютин, припарковывая машину на стоянке у ворот.

Позвонив с проходной в кабинет майора Стелбина, Тютин нарвался на секретаршу, и та сухим официальным тоном объявила, что начальник отдела занят на оперативном совещании. И тогда Тютин решил пройти по своему служебному удостоверению, которое умудрился не сдать при увольнении и которое не раз выручало его от наглых гаишников. А вот теперь оно пригодилось и в родном заведении. Хотя, как оказалось, он мог пройти и без него.

Лейтенант и сержант, дежурившие на входе, прекрасно знали его и даже не заглянули в удостоверение, и Тютин беспрепятственно прошел.

Стелбин сидел за столом, перелистывая какие-то бумаги. Воспользовавшись отсутствием секретарши, Тютин приоткрыл дверь, взглядывая в майора. Когда уходил на пенсию, сам рекомендовал Стелбина на свое место, и вот смотри, словно всю жизнь человек

возглавлял отдел розыска. Лицо строгое, неподкупное. У такого подчиненным спуска не будет. Каждую бумажку перечитает несколько раз, прежде чем подписать.

Тютин вошел.

– Вот, значит, какое у тебя совещание, – поздоровавшись, сказал бывший полковник с укором, оглядывая свой кабинет и находя, что с появлением нового хозяина в нем ничего не изменилось. Это понравилось Тютину. Он не любил роскошных кабинетов в МУРе.

– Да, совещание должно было быть, но он перенес его на три часа. – Стелбин указал пальцем на стену, за которой находился кабинет начальника МУРа.

– Ладно, не оправдывайся. – Тютин присел за стол, налил из графина в стакан воды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.